

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

У Мин Наин «Коренное население Бирманского Союза» (на бирманском яз.), Рангун, 1960, 189 стр.

Работа бирманского этнолога У Мин Наина знакомит читателя с антропологическими типами и костюмами народов Бирмы, а также характерными ландшафтами страны.

Книга состоит из введения, куда включена и библиография (17 названий), очерка, содержащего описание расселения и этно-лингвистическую классификацию народов Бирманского Союза, и иллюстративной части (159 таблиц).

Изданная Министерством культуры Бирманского Союза книга У Мин Наина интересна советскому читателю во всех ее разделах.

Автор все свое внимание обратил на коренное население Бирманского Союза и не принимал во внимание случайные элементы: поселившиеся в Бирме европейцев, постоянно или временно живущих в Бирме индийцев, пакистанцев, китайцев, японцев, а также кочующих джакунь и маукэн (селун) и, наконец, не ставил проблемы «смешанных групп»: англо-бирманцев, англо-индийцев и т. д. Последнее особенно понятно, так как эти группы наиболее трудно (почти невозможно) отобразить в фотографиях, а именно они служат автору основной формой документирования его классификации.

Главное место в работе отведено этно-лингвистической классификации коренного населения Бирманского Союза (см. табл. 1). У Мин Наин придерживается принятой и в СССР лингвистической основы этнической классификации. Как и советские ученые, автор видит, однако, существенные недостатки этого принципа классификации. Их применительно к Бирманскому Союзу два. Первый — излишняя дробность, появление огромного количества языков и диалектов, не соизмеримых ни по «самостоятельности», ни по «удельному весу». Под удельным весом языка понимается его роль, определяемая степенью его использования и прежде всего числом говорящих на нем в данной стране. «Самостоятельностью» языка (или его «отдельностью») именуется в западно-европейских классификациях отнюдь не изолированное положение его в классификации (как например, корейского и японского в прежних классификациях языков Восточной Азии), но его отличие от языков и диалектов соседних народов (или племен), даже этнически чрезвычайно близких или родственных носителям данного языка или диалекта. У Мин Наин начинает свою работу с прямого указания об «относительном лингвистическом единстве народов Бирманского Союза». Он отмечает, что по мнению таких исследователей, как Скотт, Лук, Тэйлор и Лус, можно насчитать около 120 народов в Бирме, если выделять их по их языку и диалекту. Если же исходить из признака общности обычаев, одежды, типов жилища и т. п., то число народов Бирмы не превысит 50». Даже оставаясь на почве чисто лингвистической, автор убедился, что народы, влившиеся в пределы Бирмы, принадлежат к двум языковым семьям: а) тибето-китайской, с ветвями тибето-бирманской и тай-китайской и б) мон-кхмерской (стр. 1—2). Не говоря прямо о том, что различия в диалектах неправомерно принимать за этнические различия, автор неоднократно возвращается к этому вопросу в тексте. Так, например, говоря о различиях между многочисленными диалектами нага, он совершенно справедливо замечает: «Связь между отдельными пунктами их (нага) обитания в области Нага, протянувшейся с севера от истоков Чиндвина на юг до индо-бирманской границы, очень затруднена и потому они очень разобщены между собой. Этим объясняется и то, что различны их диалекты» (стр. 11).

Второй существенный недостаток лингвистического принципа классификации — это невозможность отразить этническую принадлежность национальной группы или народа, сменившего свой язык. Автор видит этот недостаток, но не пытается его устранить. С этим связаны отдельные курьезы в его описании. Так, например, он относит народ майн-да, расселенный в автономной области Шань («Шаньское государство») к тибето-бирманской подгруппе (стр. 2), но описание их дает такое: «Майнна или майнда некоторыми авторами называются „шань-тарок“, т. е. китайские шань. В местности Нам-ка (северошаньских областях) они тоже именуются шань тарок. Но в Южной части государства Шань они называются майн-да» (стр. 4). Читатель так и не получает твердого мнения автора, что же майн-да — это шань (т. е. народ тайской группы) или майн (кит. минь), т. е. народ действительно бирманской группы. Равным образом, народ дану отнесен к подгруппе дану-таунью бирманской группы (тибето-бирманской языковой ветви). При этом читателю сообщается, что «...Некоторые исследователи считают, что дану появились в результате ассимиляции бирманцами народности из числа южных шань... Дану и таунью говорят в основном на бирманском языке, хотя иногда и сильно отличающемся от центрального бирманского».

Иногда основания классификации У Мин Наина остаются неясными для читателя. Так например, он выделяет особой подгруппой диалекты мару-асзи (т. е. диалекты подразделений цзинпо) отдельно от качинской подгруппы (т. е. от собственно цзинпо). Совершенно очевидно, что это выделение имеет под собой реальное основание:

Т а б л и ц а 1

Тибето-китайская группа

Мямма-осу(подгруппа Мянь)	Бирманцы (мянь)	мянь-малэйа, капман-мянь-малэйа.
	Мару-асзи	мару (ланво), литу (лису), асзи (сзи), лаши, майн-да (шань-тарок)
	Каду-конан	каду (шань-каду, а-сэ)
	Дану (таунье)	дану, тауньйо (таунье)
	Йокай (рокай)	йокай, марама-ди, чаунда, мьо, тэ, дайна
	Интха	ин
Восточно-тибето-бирманская подгруппа	Дауве	дауве (тавойян)
	Йо-таунда	йо (цзин-бье), таунда
	Си-пань	си-пань, мосо, кнун (канун), яо-вань
Западные тибето-бирманцы	Лоло	лоло, лисо (яо-ин), лаху (лаху-на), куи (лаху-си), ко (или го)
	Качин	качин: мае (мазе), латхо, ин-конг, майян, кха-хку, го-йи, дулан
	Чин северные	мити, тхадо, канхо, соотейн, сейин и др.
	Чин центральные	ташон, хуаньо, заху, яхау, чжахау
	Чин южные	йинду, баунсе, чинбо, зотаун (йотаун), мату, мейян, джо, митты, чинбу, саиндаун, ситту, кхами
	Лушей	лушей
	Нага	тан-кон нага, пара-нага, сейя-нага, каунзе-нага тан-гань-нага

Мон-кхмерская группа

Подгруппа Мяун-яун	Мяо	Мяун, мяун-сзи (в районе княжества Ва)
	Яо	яун
Подгруппа Минчай-ен		дали-минчайн
Подгруппа Ва-палаун	Ва	ва, лава, тейн-лви, кхаму, ань
	Палаун	пале-палаун, гуанхэ-палаун, сейн-палаун, хумайн-палаун, таунма-палаун, ян-лан (риан)
Подгруппа Мон		мон (талаин)

Тай-китайская группа

Кая-каренская под- группа	Кая (кайя)	кайен-ни, падаун, йин-бо са- еин, байе, йин-тале, гэко, гэба
	Карены	куин-кайн; сго (саго), пуо (пво); кайин-пью; таун-бо кайн; бве, багу, таунду (ба-оо)
Шаньская подгруп- па	Шань	шань, лао, го-и, шань-тарок, юнь тай-лань, лу
	Хкамти	хкам-ти шань

и мару и асси ближе к цзайва, чем к собственно цзинпо. И выделение разных подгрупп цзайва и цзинпо китайские лингвисты проводят весьма последовательно. Однако непонятно, почему У Мин Наин отнес подгруппу мару-асси к собственно бирманской группе, а качинскую подгруппу к числу прочих тибето-бирманских. Вероятно, китайские лингвисты более правы, выделяя общую группу цзинпо с подразделениями цзайва и цзинпо. Весьма интересно, что в качинскую subgroup автор отнес дулун — народ тибетской группы. Китайские этнографы и лингвисты, совершенно естественно группируя народы тибетской группы и включая в нее дулун, отмечают связь между языками дулун (цюцзу) и качин. Ли Чжи чунь, например, помещает дулун в схему языковых связей качин в качестве «промежуточного звена» между бирманской и тибетской группами¹. При этом У Мин Наин именно дулун называет «хкахку», т. е. так, как называют цзинпо (качин) в Лаосе. В подгруппе качин (т. е. среди собственно цзинпо) автор указывает пять подразделений: «мае» или «маре», «латхо», «лапхай», «инконг» и «майян». В этих наименованиях нетрудно узнать названия основных родов, в прошлом составлявших фратрии родов-отцов у качин (цзинпо): марип, лахтоо, лахпай, ихкум и марань². Языковых различий у этих старейших родов исследователи не обнаруживают и потому в этно-лингвистической классификации их лучше не указывать.

В той же группе большой интерес представляет упоминание народа «го-йи» (или го-ри; по Ли Чжи чуню — гаоли или гаори, как подразделение качин). К сожалению, У Мин Наин не дает их расселения, наименования их соседями и других сведений, приводимых им почти по всем остальным упоминаемым этническим единицам.

У Мин Наин выделяет две группы «прочих тибето-бирманских народов»: западную и восточную. Восточная с двумя подгруппами — сипан и лоло — терминологически определена наименее четко. Может быть, следовало назвать эту группу тибетской, так как все основные указанные автором народы говорят на языках тибетской ветви, и по классификации, принятой также советскими и китайскими учеными, отнесены к собственно тибетцам и к йи (или ицзу. Термин «лоло» сейчас не применяется, поскольку это лишь одно из наименований одного из подразделений). Сомнение вызывает и отнесение к тибетской группе народа «кнун». Автор поясняет, что «иностранцы», т. е. китайцы именуют их «нун», а народ нун, как известно, является частью народа чжуан, т. е. принадлежит к тайской этнической группе.

Очень интересно указание автора о том, что народ лаху в Бирманском Союзе имеет два подразделения: лаху-на (или просто лаху) и лаху-си. Среди последних «кендунские лаху-си именуются „куи“» (стр. 9). Как известно, народ, именуемый «куи» считается одним из наиболее ранних в Индокитае подразделений хмеров. Правоммерно поставить вопрос о возможной ассимиляции части хмеров в северо-восточных районах Бирмы тибетскими народностями.

Вероятно, впервые в этно-лингвистической классификации столь детально даются араканцы. Автор указывает не только на само название «йокай» или «рокай», но и на племенные названия, в значительной мере утраченные и самими араканцами; марам-ди, чаунда, дайна, тэ. Для бирманистов наиболее интересно наименование «марам-ди» или «мямма-ди», т. е. «большие бирманцы». Так терминологически, с помощью этнонима, мы получаем подтверждение мало документированного, но правильного утверждения, что араканцы — это старейший слой бирманцев в пределах Бирмы.

Весьма детально рассматривается почти вся западная тибето-бирманская группа. Достаточно сказать, что автор приводит 49 наименований одного из подразделений

¹ См. Ли Чжи чунь, Цзинподзу цинкуан (положение народности цзинпо), журн. «Чжунго миньцзу вэньти яньцзю цзи-кань» 1955, № 2, стр. 72.

² Схема родовых и родственных связей у цзинпо приведена в статье: Г. Г. Стратанович, «Экономические и социальные отношения у цзинпо», «Сов. этнография», 1959, № 4, стр. 74.

народа нага (тангань нага). Столь же тщательно выделены и подразделения народа чин; заключая его описание У Мин Наин пишет: «Если классифицировать чинские племена по их диалектам, то получится в Особом Чинском округе около 40 племен. Фактически же имеется лишь три основных диалекта (а соответственно и три подразделения в этно-лингвистической классификации.— Г. С.): северо-чинский, центрально-чинский и южно-чинский» (стр. 11).

Тщательно и детально рассмотрел У Мин Наин и народы, говорящие на языках мон-кхмерской семьи. В пояснениях к работе нашло, однако, отражение несколько неустойчивое отношение к определению «отдельных» народов в этой группе. Рецензент во время своего пребывания в Бирме пытался специально выяснить этническое и языковое соотношение таан, палаун, ва и лава. В старой китайской лингвистической и этнографической литературе применяются все три последних термина (первый не используется, так как это наименование лишь одного из подразделений палаун), но первый слог «ла» в термине лава воспринимается как указание на «культурность» этих ва (от китайского «ла» — замуренный) в отличие от ва и палаун («диких»). В современной китайской литературе бытует наименование — «бэнь лун». При встрече с палаун в городе Кальо мы получили такое разъяснение: «ва — нас называют шань и китайцы (применяющие шаньский термин); палаун — это название, данное нам бирманцами (от самоназвания одной из народностей этой группы «брао»), а сами мы себя называем: бру, брао и еще таан». У Мин Наин прямо пишет: «Народность ва именуется в равной мере лава. Это взаимозаменяемые термины» (стр. 15). Но в перечислении народов он все же оставляет оба термина. Различие между ва и палаун для него вне сомнения. Может быть, благодаря этому мы получили перечисление пяти подразделений палаун. Кроме таун-ма палаун (т. е. таан) автор приводит как особое наименование народа — тано (или дано, данау), и как групповое наименование — йин (риан). Оба эти наименования интересны для исследователя «перекличкой этнонимов» с южным Вьетнамом и другими районами Индокитая, а главное примечанием автора о том, что «многие исследователи видят в одном из двух подразделений йинне этноним кайин-нэ (т. е. черных каренов)». В этой группе автором выделена также подгруппа мон (талаин). Статистические данные, конечно, требуют внесения талаин в классификацию; по цензу 1941 г. в Бирме 350 тыс. человек назвали себя монами (талаин). Но не отрицая весьма существенной роли монов в формировании современной культуры и даже физического типа современных бирманцев, вряд ли можно говорить о талаин, как отдельном народе. На наш взгляд моны (талаин) полностью ассимилированы бирманцами еще к концу первой четверти нашего столетия. Попытка же возродить монов как «этнос» имеет далекие от науки (и от интересов Бирманского Союза) цели. Иначе стоит вопрос о каренах. Карены и кая не только существуют, но и занимают первое место по численности населения среди малых народов Бирманского Союза. У Мин Наин не раскрывает перед читателем всей сложности и даже сущности проблемы, но помогает ее разрешению, уделяя особое внимание выяснению субэтнонимов каренов и кая и расселению их подгрупп. В фототаблицах, подобранных автором очень удачно, читатель получает убедительное свидетельство различий каренов и кая в характере их костюма и сходства форм их жилых построек, рабочих помещений и др. Таким образом, данные материальной культуры здесь противоречивы. Но главная трудность здесь в языке: карены и кая утратили свои исконные языки (в прошлом их с полным правом относили по языку к тайской группе). За несколько прошедших столетий эта утрата настолько ощутима, что говорить об их «тайских» корнях можно, но в лингвистической классификации их следует помещать в бирманскую группу. Исследование их языкового субстрата сейчас возможно лишь по особенностям фонетики и по составу лексики (где тайский слой мог быть в равной мере и субстратом, и результатом заимствования). Следовательно, в этногенетических изысканиях в данном случае и языковые материалы помогают мало. Остается гипотетичным все: и линии миграций, и пути формирования их антропологического типа, и коренной вопрос о единстве или различиях каренов и кая. Трудно воздержаться от несколько фантастического предположения о том, что в местах их современного расселения карены (Йин или юн) — народ тайской группы, близкий лао-юнь — частично ассимилировали местный (по языку тибетский или индонезийский) — народ. В результате этой метисации кая частично сохранили свою материальную культуру. Однако это предположение приемлемо лишь в том случае, если признать большую древность миграций тайских народов в пределы Бирмы (и Индокитая в целом), а каренов признать первой волной этих миграций.

«Введение» к книге У Мин Наин завершает интересными данными о письменности изучавшихся им народов, об их литературных и «нормативных» разговорных языках (т. е. языках общения).

Иллюстративная часть книги состоит из 159 таблиц. Сюда входят: 129 фототаблиц и 6 таблиц рисунков, на которых изображены типичные представители различных народов Бирмы в национальном праздничном или повседневном костюме, украшения, прорисовки национальных орнаментов, татуировки и т. п., 5 региональных этнических карт и 22 типичных пейзажа. Если пейзажи вследствие плохой печати маловырази-

тельны, то остальные 137 таблиц представляют чрезвычайный интерес, особенно для этнографа. В целом получается хорошая и главное достоверная подборка иллюстративного материала почти по всем основным народам страны.

Особенно ценны региональные этнические карты; размещенные на них уменьшенные фотографии типов различных народностей в основных зонах их расселения очень облегчают запоминание национального состава страны.

В целом рецензируемая книга интересна и полезна. Хочется пожелать ее автору У Мин. Наину дальнейших успехов в работе.

Учпедгизу и Географгизу следует всерьез подумать об издании подобных пособий для педагогов, студентов и любознательных советских читателей.

Г. Стратанович, Т. Мяньмалуев

НАРОДЫ АФРИКИ

B. H. I. a. s. *Cultures matérielles de la Côte d'Ivoire*, Paris, 1960.

Б. Ола, автор рецензируемой книги, длительное время живет на Береге Слоновой Кости (БСК) и сумел проникнуть в самые глубинные районы страны. Ему удалось изучить такие обряды, на которые еще никогда не допускались посторонние. Он является директором Центра гуманитарных наук и директором музея в Абиджане. Его перу принадлежит ряд работ этнографического характера, освещающих проблемы духовной и материальной культуры народов БСК.

В рецензируемой книге автор ставит своей целью обобщить весь имеющийся материал о культуре и искусстве народов БСК. Собранные в книге материалы дают читателю полную картину о духовной и материальной жизни различных племен Берега Слоновой Кости и представляют интерес не только для этнографа, но и для искусствоведа и историка. К книге приложены карта распространения различных памятников культуры по районам страны и большое количество интересных иллюстраций. В конце книги приведена библиография.

Содержание книги разделяется на две части. В первой части «Археология и доисторический период» автор останавливается на описании немногочисленных памятников того периода. Чрезвычайно малая изученность отдаленных эпох Берега Слоновой Кости объясняется автором почти полным отсутствием памятников древнего человека на БСК. Здесь не найдено никаких следов первобытного человека. Сведения об орудиях древнего человека очень скудны. В силу очень влажного климата тут не сохранились орудия из дерева. В стране найдены лишь незначительные следы так называемого гвинейского неолита. Этот период оставил свои следы в виде орудий из полированного камня. До сих пор на севере страны такие камни служат мельничными жерновами, а на юге каменные ступы используют для размалывания проса. Некоторые из каменных находок представляют собой остатки ритуальных украшений. До сих пор жители лагун в окрестностях Дабу используют их во время религиозных церемоний; бауле украшают ими как магическими подвесками статуи умерших предков. Некоторые из таких украшений достигают 46—50 см.

Более поздний исторический период представлен главным образом изделиями из глины и металла. В районе лагун Эбрие, а также в Дабу, Гран-Лау были обнаружены следы плавильных печей, что свидетельствует о знакомстве древних народов Берега Слоновой Кости с искусством плавки металла.

Вторая часть книги посвящена детальному описанию различных сторон жизни племен современного БСК. Автор описывает многочисленные обряды и ритуалы, связанные с культом предков и с определенными событиями из жизни племен, используемые при этих обрядах сакральные маски. В жизни народов Берега Слоновой Кости искусство, мифы и обряды тесно связаны между собой. Характеризуя все разнообразие и богатство изобразительного искусства различных племен БСК, автор объясняет читателю значение этого искусства. Обряды делятся на две основные группы: поклонение духу предков и обряды плодородия, сопровождающие начало сева, сбора урожая и т. д. Перед началом полевых работ проводятся обряды поклонения земле — символу плодородия и материнства. Началу сева предшествует большое празднество с жертвоприношениями, на котором, по представлениям коренного населения, присутствуют и духи умерших как законные владельцы земли; обычно их олицетворяют маски. Им приносят в жертву пальмовое вино, кур, коз, овец и быков. По местным верованиям, касаться земли без свершения такого обряда и применения «защитных» средств от этих злых духов опасно. Одним из таких «защитных» средств являются ручки плуга, который может безнаказанно «ранить» тело земли. Это свойство им придает кузнец, имеющий власть над духами.